

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И НАСЕЛЕНИЯ ДОРИМСКОЙ ИТАЛИИ

(Обзор новых работ)

При выяснении древнейших судеб народов Италии исследователь сталкивается с целым рядом таких специфических трудностей, как плохая засвидетельствованность индоевропейских языков Италии, кроме латинского и оскско-умбрыского, почти полное отсутствие текстов на неиндоевропейских языках Италии, за исключением этрусского, отсутствие общепринятой этнолингвистической классификации важнейших археологических культур эпох бронзы и железа на территории Апеннинского полуострова и др. Немало мешает в работе и гиперкритическое отношение к данным античной традиции, не преодоленное еще до сих пор многочисленными специалистами по истории древнего Рима.

Успешное разрешение всех этих трудностей, думается, возможно лишь с помощью исторического синтеза, учитывающего вновь накопленные лингвистические и археологические факты, данные античной традиции и прочее.

Информируем сперва читателя о новых сборниках источников по истории языков доримской Италии, а затем остановимся более подробно на обобщающих трудах, освещающих данную проблему¹.

V. Pisani, *Le lingue dell' Italia antica oltre il latino*, Torino, 1953.

Книга В. Пизани является IV частью руководства автора по истории латинского языка. Она содержит важнейшие тексты на древних языках Италии, лингвистический комментарий к ним, характеристику структуры исследуемых языков и определение их генеалогического родства. Книга снабжена также таблицей итальянских алфавитов и двумя полезными картами, на которых указаны территория распространения отдельных языков и места находок надписей. Работа содержит ряд новых надписей (большинство из них издано после 1930 г.), а также весьма существенные новые чтения и интерпретации ранее опубликованных памятников². В частности, в сборнике испол-

¹ См. также более старые сборники: R. S. Conway, J. Whatmough, S. E. Johnson, *The Prae-Italic Dialects of Italy, I—III*, L., 1933 (сокращ. PID) — важнейший эпиграфический материал, а также частично глоссы, топонимы и ономастикон; R. S. Conway, *The Italic Dialects edited with a grammar and glossary, I—II*, Cambridge, 1897; R. von Planta, *Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte, II*, Strassburg, 1897, стр. 491—673; *Corpus inscriptionum Etruscarum* (сокращ. CIE), Lpz., 1893 слл. (не окончен).

² Большие успехи, достигнутые в связи с новыми находками в области изучения венецкого языка, требуют в настоящее время внесения некоторых поправок и дополнений в сборник В. Пизани. Ограничимся одним примером. Если обычно *śahnate. i* в венецких надписях (Пизани, № 91, 96, 98, 99, 111, 115) понимали как *sanatis* (дат. падеж), т. е. «оздоровительнице» (ср. лат. *sānus, sānare*) — эпитет богини Рейтии (ср. № 91 *śahnate.i-re-i-tiia.i.*), то сейчас следует также учитывать чтение *śa.i mate. i*. М. Лежена, который видит здесь этноним, соответствующий лат. *Sanātes* (M. Lejeune, *Problèmes de philologie vénète*, «Revue de Philologie, de Littérature et d'Histoire Anciennes», XXV (1951), стр. 218—224).

зованы новейшие результаты, достигнутые в работе над Игувинскими таблицами—важнейшим памятником умброского языка¹.

E. Vetter, Handbuch der italischen Dialekte, I, Heidelberg, 1953.

Этот сборник, принадлежащий одному из лучших современных специалистов по языкам древней Италии, содержит кое-какие оскско-умброские надписи, не охваченные в книге В. Пизани: № 73, 112, 123, 128—130, 139, 160, 208, 231. Это главным образом либо очень краткие, либо фрагментарные тексты. В отличие от предшественников у Э. Феттера почти полностью представлены фалисские надписи. Из не вошедших в СIE, II, 2, 1 (1910) следует упомянуть № 242, 243, 258, 259, 335, 339, 340, 352².

Включены в сборник Феттера также надписи на монетах (200, 201 — в количестве 45) и глоссы (вместе с заимствованными словами, оскско-умброский характер которых спорен).

Комментарии в сборнике Э. Феттера имеют филологический уклон и ограничиваются главным образом итальянскими параллелями, в то время как лингвистические комментарии В. Пизани носят широкий сравнительно-исторический характер. Отличается книга Э. Феттера от работы В. Пизани и в структурном плане, поскольку в I томе Э. Феттер дает только тексты с междустрочным латинским переводом и комментариями, глоссы и словарь. Грамматике оскско-умброского языка будет посвящен II том. Правильно было замечено, что интерлинейный перевод в книге Феттера неудобен. Гораздо практичнее давать параллельный латинский перевод, как в работе Пизани.

M. Pallotino. Testimonia linguae Etruscae, Firenze, 1954.

Эта небольшая по объему, но весьма содержательная работа охватывает важнейшие свидетельства об этрусском языке: так называемый *liber linteus Zagradiensis* (текст на пеленах мумии из музея в Загребе), избранные надписи и 57 глосс. Всего в сборнике 858 текстов, среди которых 799 этрусских надписей, расположенных в географическом порядке. Обращает на себя внимание этруская надпись, найденная в Карфагене. Очень полезна хронологическая таблица, в которой указаны надписи до V в. до н. э. К сожалению, при воспроизведении текстов этрусских надписей не передаются знаки слогового деления (точки), что снижает ценность издания.

* * *

Fr. Altheim, Geschichte der lateinischen Sprache von den Anfängen bis zum Beginn der Literatur, Frankfurt, a/M, 1951.

G. Devoto, Gli antichi Italici, Firenze, 1952².

Среди обобщающих трудов, содержащих попытки по-новому решить важнейшие вопросы этногенеза народов Италии, следует в первую очередь назвать «Историю латинского языка» Фр. Альтгейма³ и монографию «Древние италики» Дж. Девото. Обе эти работы можно считать значительным явлением в научной литературе по интересующей нас проблематике, хотя в них (особенно это относится к работе Ф. Альтгейма) имеется много такого, с чем нельзя согласиться как по общеметодологическим, так и по конкретно-историческим соображениям. Следует также учитывать, что после опубликования книг Альтгейма и Девото вышел в свет ряд новых публикаций и исследований, которые мы старались по возможности использовать в настоящем обзоре при характеристике двух указанных монографий.

¹ См. новое научное издание этого памятника: G. Devoto, *Tabulae iguvinæ*, Roma, 1940; он же, *Le tavole di Gubbio*, Firenze, 1948. Последняя работа содержит перевод памятника на итальянский язык и подробный историко-религиозный комментарий.

² № 242, 243, 258, 339a, c, d, h, представлены в книге Пизани под № 152, 153, 146E (комм.), 143E, 145A, 145C, 144. Нет в сб. Феттера № 148 Пизани.

³ Большая часть книги посвящена древнейшим судьбам народов Италии, а не истории латинского языка в точном смысле слова.

Заметим, что обе рецензируемые работы в целом отличаются доступностью изложения. Правда, для книги Альтгейма характерна известная композиционная нечеткость, объясняющаяся тем, что эта работа выросла из ряда частных и детальных исследований с уклоном в сторону истории религии. Поскольку книга Ф. Альтгейма касается почти всех народов Италии, а работа Дж. Девото — только италиков, то обратимся сперва к работе Ф. Альтгейма, придерживаясь не столько порядка следования глав, сколько этнографического принципа изложения.

Начнем с сикулов (стр. 19—32).

Согласно античной традиции, сикулы пришли в Сицилию с материка, откуда были вытеснены ошками за 300 лет до появления греков (Thuc., VI, 2). Археологические памятники восточной Сицилии показывают, что на смену неолиту и энеолиту (Стентинелло, Виллафрати) приходит так называемая сикульская культура (1-й период), носители которой селились вдоль восточного побережья на холмах и горах (Кастеллуччо, Племмирио, Коццо, Понтано, Тапс, Панталлика)¹. Появляются коллективные захоронения, высеченные в скалах, новый погребальный инвентарь и т. д. Трудность в отождествлении народа — носителя этой культуры — с сикулами была связана с завышенной датировкой П. Орси (2500—1900 гг.). Датировка Б. Паче², относящая культуру сикулов к последним столетиям II тысячелетия до н. э., устраняет это затруднение. Пребывание сикулов на материке еще в VIII—VII вв. до н. э. доказано раскопками в Торре Галле и Канале (Бруттий). Наконец, лингвистические данные (гlossы, надписи) показывают определенную близость между языками сикулов и латинским³. Если надписи⁴ не дают оснований сомневаться в индоевропейском характере языка сикулов, то среди gloss⁵ имеется группа, необъяснимая из индоевропейских языков (например: *δραχίη* «листья», *αερσίλα* «мирта», *ἄρολος* «плохой», *λίβαδος* «лиса»), которую, вероятно, надо относить к сиканскому языку (см. ниже, стр. 160). Наконец, группа gloss показывает связи с италийскими языками в широком смысле этого слова, например: *μεστος* «обычай», «право» (оск. *meddix*, см. ниже стр. 164), *Αἴτην* «Этна» (лат. *aedes*, греч. *αἴθω* < *aith «гореть»)⁶. Следует заметить, что даже такие казались бы «протолатинские» glossы, как *κίρκαρον* (лат. *carcer*), *κόρνος* (лат. *cornus* «кизил») и *λίτρα* «фунт», несомненно, италийского, но не обязательно «протолатинского» происхождения. Впрочем и у античных авторов не было единогласного мнения на этот счет. К тому же *litra* показывает переход *dh > *t*, в то время как лат. — *b* (*libra*), а оскский — *f* (*lifra*), подобно дооскским топонимам Кампании: *Liternum*, где *lit*- восходит к **leudh*⁷. Опираясь на сикуло-латинские лексические сходства, Дж. Девото строит предположение о «протолатинской» ветви, к которой, кроме сикулов, латинян и фалисков, следует, по мнению Ф. Альтгейма, также отнести эвганеев (см. ниже, стр. 159).

¹ Новые находки освещены у V. D'Amico, *Grotte artificiali dei Siculi nel Molise*, «Atti del I° Congresso Internazionale di Preistoria e Protoistoria Mediterranea», Firenze, 1952, стр. 221—223; B. Neutsch, *Archäologische Grabungen und Funde im Bereich der Soprintendenzen von Sizilien, 1949—1954*, JDAI, 69 (1954), 3—4, стр. 609 слл., 612, 630.

² В. Паче, *Arte e civiltà della Sicilia antica*, I, Milano, 1935.

³ Ср. И. М. Тронский, *Очерки по истории латинского языка*, М.—Л., 1953, стр. 61.

⁴ Укажем также на новую надпись из Шири Соттано (V. Pisani, ук. соч., № 128), которую некоторые ученые без достаточных оснований считали мессапской (A. von Blumenthal, «Indogermanische Forschungen», 53 (1935), стр. 149) или даже «подозрительной» (J. Whateough, *The foundations of Roman Italy*, L., 1937, стр. 112, прим. 4).

⁵ PID, II, стр. 449—473.

⁶ V. Pisani, ук. соч., стр. 285—289.

⁷ G. Devoto, *Storia della lingua di Roma*, Bologna, 1944, стр. 56—57.

В. Пизани (ук. соч., стр. 289) в результате подробного анализа глосс приходит к выводу, что они не могут свидетельствовать об особом сикуло-латинском языковом родстве. Однако нам кажется неправомерным вывод автора, что традиционное мнение о близком родстве сикулийского и латинского языков вообще лишено оснований¹. В частности, Пизани не учитывает топонимические свидетельства. Между тем древние связи сикулов с латинянами находят свое подтверждение в данных топонимии типа Энца, Анкса, Норба, которые охватывают территорию от Сицилии до линии Рим — Пескара, как недавно показал Дж. Девото. Учитывая все эти моменты, Альтгейм склонен датировать приход сикулов в Италию серединой II тысячелетия до н. э. (стр. 130), что можно считать лишь весьма приблизительной хронологической вехой. Недоказанной остается попытка Альтгейма приписать происхождение названия Italia сикулам (стр. 25—30)².

Хотя автор посвятил «иллирийскому переселению» народов целую главу (стр. 32—92), мы не находим в ней характеристики одного из несомненно иллирийских племен Италии³ — мессапов и их языка. Здесь дана лишь суммарная картина миграций индоевропейских племен на огромном пространстве от Западной Европы до Хорезма, которую Альтгейм пытается обосновать с помощью лингвистического разбора нескольких имен божеств (например, произвольным отождествлением Рейтии венетов и лаконской Ортии — стр. 41—50). Увлечение автора «паниллиризмом» здесь выступает особенно ярко (ср. также стр. 130, 136—138, 266—267, 276). Собственно к мессапам относится в этой главе только разбор названий Messapus (перв. Μετᾶπιος), Metapontum (туземн. Μέταπον), т. е. город Метана (речного бора), согласно толкованию автора (стр. 37—38). Гораздо убедительнее, нам кажется, этимология П. Кречмера «город между водами (реками)» (из греч. Μετ(τ)ί + иллир. *ār «вода»)⁴.

Об иллиро-мессапских связях с Сицилией автор говорит в предшествующей главе (стр. 30—32), разбирая две неопубликованные надписи сиракузского музея (инв. № 21746 и 43049) с именами Эяго [... или баго [... и Κρατέα. Однако, если в первом случае мы, вероятно, имеем начало мессапского имени или слова, то попытка связать Κρατέα с мессапским именем собственным Κραθῆειν (род. падеж ед. числа) неубедительна. Наконец, отметим догадку автора (стр. 315) о существовании в мессапском языке ударения на начальном слоге, судя по итальянским названиям Отранто (°) δρούς, Hydruntum), Пезаро (Pisaurum) и Соланто (Soluntum).

Весьма спорный материал содержит глава о надписях Валь Камоника — долина р. Ольо в Альпах (стр. 92—123). Надписи эти⁵, обнаруженные в 30-х годах, написаны североиталийским алфавитом этрусского происхождения (стр. 104) и датируются, судя по археологическим находкам, латенским временем (V—II вв. до н. э.). Надписи принадлежат эвганеям, к числу которых античная традиция относит племя Samunni (ср. Катон у Плиния, NH, III, 134); имя камуннов живет в наименовании долины Валь Камоника. Язык этих надписей Альтгейм сопоставляет с латино-фалиским языком: родит. падеж ед. ч. на -os от основ на -u, например, San. quos, ср. лат. senatūs из архаического senatuos; переход о > ú в им. падеже ед. ч. основ на -o: arue-uz < *arue-os, ср. лат. servus < servos; относительно основы arue- ср. венетские имена Arvetius, Ar-

¹ Статья V. P i s a n i, Sulla lingua dei Siculi, «Bolletino del Centro di Studi Filologici e Linguistici Siciliani», I (Palermo, 1953), стр. 5—18, осталась нам недоступной.

² Правильно указывает Альтгейм на связь названия Италия (из *Vitelia «страна телят») с другими тотемистического происхождения племенными и географическими наименованиями.

³ См. И. М. Т р о н с к и й, ук. соч., стр. 57—59.

⁴ P. K r e t s c h m e r, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1896, стр. 254 сл.

⁵ Издание Fr. A l t h e i m und E. T r a u t m a n n, Vom Ursprung der Runen, Frankfurt, 1939.

venia; имена божеств San. quos и Leima встречаются в Риме: Sancus (родит. падеж ед. ч. Sancūs), Lma¹.

В главе «Индоевропеизация Италии» (стр. 123—153) Альтгейм рассматривает вопросы, связанные с хронологией прихода в Италию племен венетов, «протолатинов» и оско-умбров. Исходя из известных фактов о наличии определенных языковых связей между венетским и другими итальянскими языками и особенно латинским² и отсутствия между ними контакта в историческое время, Альтгейм справедливо относит эти связи к эпохе до переселения латинян в Центральную Италию. Далее, учитывая античное предание о вытеснении эвганеев венетами, присутствие которых в Северной Италии засвидетельствовано находками приблизительно IX в.³, Альтгейм датирует переселение эвганеев и латино-фалисков концом II тысячелетия до н. э. (стр. 130). Таким образом, автор постулирует три последовательных миграции: сикулов, латинян вместе с фалисками и эвганеями и венетов. Из этого следует, что в хронологии Альтгейма не находит отражения период сикуло-латинской общности в древнейшее время; с другой стороны, опасно относить эвганеев к числу «протолатинов», так как они могли быть ассимилированы предками латинян уже на территории Северной Италии. Необходимо также заметить, что позитивным в этой хронологии можно считать установление, правда весьма приблизительного, нижнего хронологического предела для эпохи прихода «протолатинов» в Италию. Недоказанным остается утверждение автора об особой близости венетов к иллирийскому миру и германцам (ср. стр. 128)⁴. Этот тезис не подтверждается лингвистическими фактами; еще менее показательным в плане этногенеза сопоставление наскальных рисунков Северной Италии и Скандинавского полуострова, к которому прибегает автор (стр. 126).

Относительно миграций оско-умбров (стр. 134—153) и самнитов (стр. 261—274) речь будет идти ниже, при разборе книги Дж. Девото.

Таким образом, если переселения италиков и венетов взаимосвязаны и относятся ко II тысячелетию до н. э., то особняком стоят миграции иллиро-мессапских племен (их приход морским путем весьма вероятен) и кельтов. Последние пришли в Италию весьма поздно, в начале IV в. до н. э. Не останавливаясь на мессапах, Альтгейм разбирает более подробно проблемы, связанные с миграцией кельтов (стр. 253—260). Он считает, что кельты пришли четырьмя последовательными волнами (инсубры, кеноманы, бойи вместе с лингонами и сеноны). Альтгейм явно преувеличивает культурное значение и влияние кельтов после их перехода к оседлости (конец IV — начало III в. до н. э.). В связи с этим он считает лепонтийские надписи из Валь д'Оссола (PID, II, стр. 65—165) кельтскими (стр. 310). Это предположение вполне основательно, однако оно не может служить доказательством культурного преобладания кельтов. Вытеснение лигурского языка кельтским объясняется не культурными причинами, а условиями завоевания и ассимиляции территории лигуров в Северной Италии.

Что же касается попытки Альтгейма приписать кельтскому влиянию возникновение в латинском языке ротацизма и «начальной интенсивности»⁵, вызвавшей к жизни ослабление кратких гласных в безударных слогах вплоть до их выпадения, типа

¹ Против отнесения Альтгеймом (стр. 107 и 125) языка камуннов к латино-фалигской группе решительно возражает V. Pisani, ук. соч., стр. 313.

² Ср. И. М. Тронский, ук. соч., стр. 56.

³ Ср. J. Whatmough, ук. соч., стр. 178—181.

⁴ Следует указать, что позиция Альтгейма в вопросе о месте венетского языка среди других индоевропейских языков противоречива. С одной стороны, Альтгейм склонен отнести венетский язык к иллирийской группе (стр. 123), с другой — считает его самостоятельной ветвью индоевропейских языков (стр. 138—139). Венетский язык следует считать отдельным языком, имеющим ряд общих черт с иллирийскими и итальянскими языками. См. H. Krahe, Das Venetische. Seine Stellung im Kreise der verwandten Sprachen, «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-histor. Klasse», 1950, 3 Abb., особ. стр. 34—37.

⁵ Ср. И. М. Тронский, ук. соч., стр. 156—158 и 174.

faciō-conficiō и *urbs* < *urbis (стр. 301—328)¹, то следует подчеркнуть невероятность такого рода предположения уже хотя бы потому, что политическое влияние кельтов в Центральной Италии было слишком мимолетным², а культурное их значение слишком невелико.

Относительно лексических заимствований из кельтских языков в латынь, на которые ссылается Альтгейм (стр. 318), надо заметить, что они разновременного происхождения и ограничены небольшой семантической сферой (одежда — *brāca* «брюки», *sagum* «плащ»; оружие — *gaesum* «метательное копье», *cateia* «метательная палица»; средства передвижения — *carrus* «телега», *petrorritum* «повозка на четырех колесах»), так что только в самой общей форме могут свидетельствовать о связях между исследуемыми языками.

Переходим к вопросу о неиндоевропейском населении Италии.

Применительно к этрусской проблеме рассматриваемые работы Ф. Альтгейма и Дж. Девото дают мало нового³. Касаясь вопроса о «средиземноморских» доиндоевропейских племенах и народностях Италии (стр. 163—192), Альтгейм излагает лингвистические наблюдения В. Бертольди, Р. М. Пидалья⁴ и других о двух этно-лингвистических группах неиндоевропейского населения Западной Европы: лигуро-альпийской и иберо-ливийской.

Следует подчеркнуть, что для интересующей нас территории Италии эти две группы племен и языков вполне различимы.

Так, топонимика области лигуров в Северной Италии содержит особые суффиксы *-(a)sc-*, *-inc-* и др., которые встречаются в Сицилии и в Сардинии и позволяют сделать вывод, что область лигуров в северо-западной Италии является «зоной отступления» (стр. 169) и что лигуры раньше занимали более обширные территории⁵.

С лигурами в каких-то этнических связях находились, вероятно, реты, язык которых показывает точки соприкосновения с этрусским⁶. Апичная традиция (Plin., NH, III, 133) считает ретов потомками этрусков. На территории ретов в исторические времена находились и другие этнические группы, подпавшие под их политическое влияние, например, камунны, язык которых Альтгейм относит к итальянской группе (см. выше, стр. 158).

Гораздо большую зону распространения, как уже говорилось, имело иберо-ливийское население. В Сицилии иберо-ливийцы известны под названием сиканов, занимавших юго-западную часть острова⁷. Попытка Альтгейма объяснить, исходя из иберийских имен на *-ib*, своеобразные формы $\Sigma\epsilon\upsilon\sigma\tau\alpha\zeta\iota\beta$ и $\Gamma\rho\omicron\alpha\kappa\zeta\iota\beta$ на монетах Сегесты

¹ Fr. A l t h e i m, *Der Rhotazismus in den italischen Sprachen*, «Studies presented to D. M. Robinson», II, St. Louis, 1953, стр. 459—468.

² Кельты поселились в Северной Италии и на Адриатическом побережье (северная часть Ницены).

³ В настоящем обзоре не рассматриваются работы, посвященные вопросам этрусскологии. См. специальный обзор на эту тему Н. Н. Залесского, ВДИ, 1956, № 4.

⁴ V. B e r t o l d i, *Contatti e conflitti di lingue nell'antico Mediterraneo*, «Zeitschrift für romanische Philologie», 57 (1937), стр. 137 слл.; R. P i d a l i, *Sobre el substrato mediterraneo occidental*, «Zeitschrift für romanische Philologie», 59 (1939), стр. 189 слл. Ср. акад. В. Г е о р г и е в, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4, стр. 48—49.

⁵ О лигурах см. работу E. S e r e n i, *Comunità rurali nell'Italia antica*, Roma, 1955 (рецензия А. И. Немировского, ВДИ, 1956, № 3).

⁶ J. W h a t m o u g h, ук. соч., стр. 164—174; И. М. Т р о н с к и й, ук. соч., стр. 82; V. P i s a n i, ук. соч., стр. 302—311; M. L e j e u n e, SE, XXI (1950—1951), стр. 209—214.

⁷ Граница с сикулами шла приблизительно по линии от Монтемаджоре (юго-восточнее Термини Имерезе) до Серрадифалько (юго-западнее Кальтаниссетты).

и Эрикса (стр. 176—177) неубедительна. Пока остается в силе предложенное П. Кречмером сопоставление этого окончания с эламским *-ir* в соответствии с сообщением Фукидида (VI, 2, 9) о переселении элимов из Малой Азии¹. Принадлежали ли сиканам загадочные надписи из Кальтаджироне, Адерно около Катании и из других местностей Сицилии (стр. 163—164), неизвестно². По-видимому, они не объяснимы ни из индоевропейских, ни из семитских языков. О судьбах сиканов в связи с политической борьбой в Сицилии в V в. до н. э. Альтгейм пишет в другой главе (стр. 284—297).

Наличие иберо-ливийского этнического слоя в Сардинии (стр. 172—175) подтверждается данными баскского языкознания и некоторыми местными топонимами. В области материальной культуры с иберо-ливийцами, вероятно, связаны так называемые нураги (конусообразные строения, похожие на башни), которые напоминают во многом мегалитические постройки Мальты, Пантеллерии и Балеарских островов³.

Кроме указанных двух зон распространения западных «средиземноморских» племен и языков пытаются выделить центральную, или промежуточную, к которой относится, в частности, и территория Италии⁴.

Благодаря работам Фр. Рибеццо (ум. 1955) и других итальянских ученых удалось обнаружить в топонимике Апеннинского полуострова явно неиндоевропейские названия: *Agnus*, *Λαμτος*, *Tanager* (реки), *Pisa*, *Suessa*, *Μαζαρα* (города). Известны загадочные надписи из Потенца, Бриндизи, Котроне (стр. 163—164), о которых пока трудно сказать что-нибудь определенное: эпиграфические следы исчезнувших туземных языков содержат, возможно, также надписи Северного Пицена (Новилара). Альтгейм (стр. 180—192) дает интересный анализ эпиграфических памятников из Новилары (PID, II, № 343—344), Фано (№ 345) и билингвы из Пезаро (№ 346). Они датируются приблизительно V в. до н. э., кроме билингвы, которая не древнее I в. до н. э. По фонетическим соображениям (различение *b* — *p*, многочисленность гласных, относительная редкость придыхательных) Альтгейм исключает возможность того, что надписи сделаны на этрусском языке. Далее он устанавливает ряд суффиксов и окончаний (*-en* или *-ten*, *ūt* и др. — стр. 183) и затем, опираясь на билингву из Пезаро, пытается доказать «пеласгическое» происхождение надписей (стр. 185—187). Неправомерно автор распространяет это заключение на доиталийское население Пицена в целом. Это нельзя признать обоснованным при нынешнем уровне наших знаний, хотя весьма вероятно, что здесь перед нами неиндоевропейские народности и языки. О последнем как будто бы свидетельствуют археологический материал и данные античной традиции, которая относит к пеласгам древнейших насельников Пицена асилов (Силий Италик, VIII, 443)⁵.

Фактические и методические трудности в исследовании языков и истории доиндоевропейского населения бассейна Средиземного моря хорошо известны, и здесь не место останавливаться на них более подробно. Однако необходимо подчеркнуть, что в этой области особенно важно различать скудные позитивные данные (несколько десятков этимологий, связанных главным образом с названиями гор, рек, растений и т. д., и отдельные фонетические наблюдения) и недоказуемые обобщения, которыми нередко грешит рецензируемая работа Фр. Альтгейма.

¹ P. K r e t s c h m e r, *Sprache*, в кн. «Einleitung in die Altertumswissenschaft»-hrsg. von A. Gercke und E. Norden, 3 изд., I, 6, Lpz, 1923, стр. 110.

² J. Whatmough, ук. соч., стр. 112, пр. 4. Сюда не относится надпись из Комизо. Ср. S. Calderone, «Atti dell' Acad. dei Lincei. Scienze morali», 1955, стр. 489 сл.

³ Ср. J. Whatmough, ук. соч., стр. 376—380.

⁴ G. Devoto, SE, XXIII (1954), стр. 217.

⁵ G. Devoto, *Gli antichi Italici*², стр. 53, на основании общеисторических соображений считает носителями культуры доиталийского Пицена либурнов и асилов, видя в них племена «адриатической» группы доиндоевропейского населения Италии.

Переходим к обзору книги Дж. Девото. Эта монография содержит ~~сжатый~~ очерк миграций италиков, под которыми автор подразумевает только оско-умбров и отличие от «протолатинов» (стр. 31—33), их языка, культуры, искусства, государственного устройства и борьбы с Римом. Здесь, наряду с обобщением известных фактов Дж. Девото — один из виднейших лингвистов Италии — излагает результаты своих многолетних исследований языка, истории и культуры доримской Италии.

1-я глава посвящена истории изучения языка и культуры оско-умбров, причем не обойдены молчанием и сборники И. В. Цветаева, сыгравшие в свое время важную роль в деле развития оско-умбрских штудий.

Дж. Девото справедливо подчеркивает значение Игувинских таблиц как наиболее важного ритуального текста греко-римского мира (стр. 27). Очень существенна предложенная автором (стр. 29—30) новая датировка памятника, согласно которой группа таблиц I—V в. 7, написанных умбрским алфавитом, восходит к периоду 200—170 гг. до н. э., а таблицы V в. 8—VII (латинский алфавит) — к периоду 150—70 гг. до н. э., причем они сохранили редакцию, относящуюся к первой половине III в. до н. э.¹

2-я глава посвящена этно-лингвистическому обзору народов Италии. Среди индоевропейских народов Дж. Девото выделяет три независимые ветви: веныты, италики (оско-умбры), «протолатинцы» (стр. 52). Тезис автора о том, что италики — независимая ветвь индоевропейских племен и что связи с латинянами объясняются исключительно контактом на италийской почве, в лингвистическом отношении не может считаться доказанным, поскольку здесь налицо древние родственные связи, не объяснимые одними только процессами языкового «схождения» и смешения (ср. стр. 60—62).

В 3-й главе Девото рассматривает доисторические судьбы предков италиков. Наиболее интересной является здесь сводка археологического материала эпохи бронзы и железа. Вслед за Дуном² Девото выделяет по типу захоронения (группоожжение, труположение) отдельные культуры, определяет зоны их распространения, а затем сопоставляет с территориальным распространением италийских языков в историческое время и приходит к выводу, что культуру террамар надо считать «протоиталийской» и тем центром, откуда предки оско-умбров двинулись на юго-восток (стр. 74)³.

Таким образом, Дж. Девото лишь слегка модернизирует взгляд ряда итальянских археологов (например, Л. Пигорини) на культуру террамар как «италийскую» в том смысле, что исключает из нее предков латинян, оставляя одних оско-умбров. Вызывает здесь удивление то обстоятельство, что Дж. Девото, обычно весьма тщательно отмечающий работы своих предшественников, не упоминает в связи с характеристикой взглядов Л. Пигорини и Дж. Серджи (стр. 33, 67) труда В. И. Модестова, французский перевод которого не мог остаться ему неизвестным, как явствует из скрытой полемики на стр. 74. Кроме того, при изложении гипотезы о двух волнах переселений италиков («протолатинской» и «протосабельской») Дж. Девото мог коснуться работы В. И. Модестова, высказавшего эту мысль задолго до Л. Парети, на которого автор ссылается.

Девото относит к «протолатинам» южноиталийскую культуру гробниц ямного типа эпохи железа (стр. 69) и культуру гробниц с труположением в Лациуме и Этрурии (стр. 88—89); для этой последней автор противопоставляет друг другу не два типа захоронений (сожжение — погребение), а три (погребение — сожжение — погребение), соответствующие делению населения на «протолатинов» — «протоиталиков» — автохтонов (тиррено-этрусков). Следует, однако, заметить вместе с Альтгеймом, что оско-умбры в Северной Италии не оставили никаких следов (стр. 138), которые под-

¹ Для прежних датировок ср., например, J. W h a t m o u g h, ук. соч., стр. 198.

² F. von D u h n, *Italische Gräberkunde*, I, 1924; II, 1939.

³ На международном конгрессе по средиземноморской «доистории» в 1950 г. проблема террамар была освещена в докладе G. M o n a c o, «Atti del I° Congresso di preistoria mediterranea», Firenze, 1952, стр. 361—367, защищавшем точку зрения о местном происхождении террамар. Вопрос о хронологии террамар был затронут в докладе Ch. F. C. H a w k e s, там же, табл. к стр. 262—263.

твердили бы взгляды Девото на культуры террамар и Виллановы, как на протоиталийские. Далее, территория распространения культур с труположением засвидетельствована не раньше VIII в. до н. э. и соответствует как раз историческим районам пребывания оско-умбров¹. Итак, пока что приход оско-умбров не поддается ни археологической, ни временной датировке. Во всяком случае, поскольку оско-умбры вытеснили сикулов, то они, согласно традиции, уже в XII—XI вв. были на юге Италии (стр. 134—135). Откуда они прибыли, не совсем ясно. Так, например, Альтгейм, допуская возможность, что оско-умбры пришли морским путем, как иллирийцы, считает все же, что они скорее прибыли с севера, если судить по преданиям о «священной весне» и по лингвистическим данным (стр. 137).

В 4-й главе рассматривается расселение оско-умбров до V в. до н. э. (стр. 97—119). Оско-умбры первоначально занимали Умбрию, область сабинов, и часть Этрурии. Девото показывает наличие в ономастике Этрурии старого оско-умбровского слоя. Об успешной этрусказации области фалисков свидетельствует большое количество обнаруженных здесь этрусских надписей (CIE, II, 8001—8448 и 8548—8608) по сравнению с относительной немногочисленностью собственно фалисских надписей (ср. E. Vetter, № 241—355). Наконец, исторические сведения у Плиния (III, 60) подтверждают приход этрусков в страну умбров. Западная граница территории италиков шла приблизительно по р. Тевере. Центром италиков был бассейн р. Сангро, где раскопки в Альфедене вскрыли большой некрополь, восходящий к VII в. до н. э. Дж. Девото в этой главе дает также обзор важнейших этнонимов (оски, сабины, сабеллы и др.) и топонимов.

5-я глава посвящена самнитской «экспансии» (стр. 121—151). В ней рассмотрены вопросы, связанные с формированием у самнитов первых государственных образований типа полисных федераций и с их территориальным ростом за счет завоевания Центральной и Южной Италии (Кампания, Лукания, Апулия, Бруттий). Автор приводит цифровые данные о размерах территорий, занимаемых различными федерациями (стр. 145—147)².

Касаясь возникновения государства у оско-умбров, Девото упускает из виду, что оно было связано с процессами социальной дифференциации и роста классовых отношений, по-разному протекавших в различных районах Центральной и Южной Италии. У оско-умбров мы встречаемся с различными общественными укладами от первобытно-родовой общины в горных районах Самния до рабовладельческих полисов в Кампании³.

Только в условиях становления классового общества могли в широких масштабах иметь место такие явления, как покорение и порабощение местного населения, ассимиляция туземных племен и народностей, этническое смешение и т. д.⁴.

Об успешной оскизации местных племен, в частности, свидетельствуют «италийское» влияние на старопиценское искусство (стр. 104), ряд языковых данных, как этноним вольсков (тирренского происхождения — стр. 130) и создание у осков стандартного письменного языка, на котором составлены надписи Капуи и других городов Южной Италии⁵.

¹ Fr. Althelm, *Römische Religions Geschichte*, I, Die älteste Schicht, B.-Lpz, 1931, стр. 15; Н. А. Машкин, *История древнего Рима*, 1949, стр. 83.

² Интересную попытку выразить статистически этно-лингвистические отношения в Италии в 225 г. до н. э. см. в статье J. Safarewicz, *Rozpowszechnianie się łaciny w Italii w latach 225—81 przed n. e.*, «Meander», IX, № 4 (1954), стр. 168.

³ И. М. Троицкий, *ук. соч.*, стр. 63.

⁴ Это не значит, что в родо-племенную эпоху не существует этнического смешения. Однако, когда возникновение «различных ветвей италийских племен» склонны объяснять в основном процессами этносмешения (ср. Н. А. Машкин, *ук. соч.*, 1949, стр. 83), то это нам кажется преувеличением.

⁵ Ср. также Fr. Althelm, *Geschichte der lateinischen Sprache...*, стр. 268, 271.

Рассмотрению этих вопросов посвящена специальная 6-я глава «Италийские диалекты и алфавиты», в которой Дж. Девото останавливается на диалектной раздробленности италийских языков, на их контакте с латинским (так называемые «сабинизмы» в латинском языке, ротацизм, синкопа, имена собственные, например Numerius, Vibius), на истории италийского алфавита и на других моментах.

В 7-й главе, посвященной культуре и искусству (стр. 183—219), Дж. Девото проводит заслуживающую внимания мысль, согласно которой открытие Аполлона из Вей и война из Капестрано показывают, насколько несправедливо считать искусство до-римской Италии лишь слабым эхом этрусского или греческого искусства. Местные традиции особенно наглядны в области декоративной живописи (помпейские фрески и кампанские расписные гробницы) и в строительной технике. Так, в помпейских домах можно отделить элементы греческой строительной традиции от местной¹ (ср. «дом Фавна» и «дом хирурга»). Такую же картину представляет сравнение остатков театра в столице самнитов ПьетрабондANTE (античный *Vulturnum vetus*) с театрами в Помпеях. При этом автор уделяет должное внимание также греческому культурному влиянию на италиков в Кампании и Лукании.

8-я глава посвящена религии (стр. 221—253). Девото останавливается на следах тотемистических верований, характеризует отдельные божества италийского пантеона (например, *Hondo Cerfio*) и разбирает вопросы итадо-греческого религиозного синкретизма. Некоторые относящиеся сюда выводы автора вызывают возражение. Так, в эпитете Юпитера *Grabovius*, встречающемся в Игувчинских таблицах, мы не можем видеть вслед за автором сомнительную этимологию Дж. Алессиво из доиндоевропейского *graba* «скалистая гора» (стр. 222—223) и на этом основании отождествлять его с эпитетом *areninus* (CIL, XI, 5803). *Grabovius* из иллир. *grabo «дуб» (ср. старослав. грабъ) свидетельствует о каких-то древних итадо-иллирийских связях². Спорным кажется также вывод об италийском происхождении культа *dei inferi* в Риме (стр. 225) лишь на том основании, что слово *inferi* «сабинизм» (лат. *inderi).

9-я глава «Государство» (стр. 255—280) — одна из наиболее содержательных во всей книге. Девото дает разбор целого ряда правовых терминов, тонко вскрывая при этом своеобразие италийских магистратур. Автор показывает, например, что *meddix iuticus* был главой полиса, а не федеральным магистратом, как думал Ю. Белох (стр. 257). Явным пережитком первобытного коммунизма автор считает организацию молодежи «*vereia*» (стр. 267). Далее, Дж. Девото прослеживает значение *trifu*, которое обозначает территорию города-государства (*trifu ikuvina*) в противоположность населению полиса (*touta ikuvina* — стр. 269), выясняет вопросы административного устройства и др. Поскольку Девото строит здесь свои выводы главным образом на методе лингвистической этимологии, ограничимся одним методическим замечанием. Лингвистические этимологии не всегда могут иметь абсолютное значение в качестве исторического источника. Так, автор пишет, что *meddix* был главой полиса, обладал полнотой политической, военной и юридической власти и т. д. Все это верно. Верно также и то, что власть его выросла из недр родового общества, но следует ли отсюда, что *meddix* в Кампании был более «демократичным» представителем власти, чем *rex* у «протолатинов» или кельтов (стр. 256)? Разумеется, отнюдь нет, ибо в эпоху родового строя *rex* вовсе не был «царем» в смысле позднейшего монарха. То же самое можно сказать и об отсутствии у латинян индоевропейского слова для *populus* (стр. 176), которое еще не говорит за то, что «протолатины» не принесли с собою в Италию родовой организации.

Главы 10-я и 11-я содержат обзор борьбы италиков с Римом в период от самнитских войн до союзнической войны. Девото считает, что к началу II в. до н. э. была сломлена «национальная» самобытность италиков и только общность интересов в борьбе

¹ Подобно М. Е. Сергеенко, Помпей, М.—Л., 1949, стр. 155 и 158. Однако стенную живопись в Помпеях М. Е. Сергеенко считает лишь подражанием «римской моде» (стр. 198).

² Ср. F. Altheim, ук. соч., стр. 136.

против Рима еще поддерживала сознание былой оскско-умбрской народности (стр. 331—332). С этим трудно согласиться, так как оскский язык держался еще, судя по надписям, в I в. н. э., и поэтому для первого века н. э. мы можем говорить об италийской народности не в смысле слияния италиков с римлянами¹, а лишь как о продолжении прежних оскско-умбрских народностей, но уже с латинским языком в качестве средства общения.

Переходя к общеисторическим и лингвистическим взглядам авторов обеих рассматриваемых работ, следует подчеркнуть, что они находятся под значительным влиянием неолингвистического направления зарубежного языкознания² в сочетании с идеалистическим пониманием исторического процесса, которое особенно ярко проявляется в книге Альтгейма. Здесь мы встречаемся с утверждением о «недоказуемости» естественно-научного представления о происхождении человека (стр. 8), с высказываниями против генеалогического принципа классификации языков (стр. 6), с нападками на «механистическое» (т. е. материалистическое. — Б. Н.) миропонимание XIX в., с биологической трактовкой понятия «этнос», с отождествлением этнического и лингвистического смешения (стр. 214) и с другими положениями, которые не могут претендовать на внимание со стороны серьезного читателя. Не составляет особого труда показать, что общетеоретические взгляды Альтгейма не помогают ему при конкретной разработке исторического материала. Наоборот, там, где Альтгейм придерживается своих предвзятых теоретических концепций, он приходит к выводам, лишенным какой-либо научной ценности, например, параллелизм между историей союза самнитов и Этолийского союза есть, по Альтгейму, результат общего происхождения от иллирийцев (стр. 270); родство филистимлян с иллирийцами (венетами) доказывается фактом наличия у обеих народностей одного слова *brzi-fursill* «железо» и головных уборов из камыша или перьев (стр. 51—54)³; переселение берберо-ливийцев в Европу объясняется их воинственностью, которая, в свою очередь, порождена суровой природой пустыни, закаляющей человека в борьбе за существование и т. д.

Следует подчеркнуть, что при этом социально-экономические проблемы совершенно выпадают из поля зрения Альтгейма.

Для Девото не характерна столь крайняя точка зрения⁴. Правда, он признает лингвистическое смешение и языковые схождения движущими силами развития языка, но вместе с тем придерживается строгой методики сравнительно-исторического изучения языков. С другой стороны, Девото уделяет внимание и социально-экономическому фактору в истории, например, росту классового расслоения общества (судя по переходу от коллективных захоронений к групповым (семейным) и индивидуальным — стр. 76—77), связи обычая *ver sacrum* с перенаселением (стр. 137). К сожалению, мы

¹ G. Mohl, *Introduction à la chronologie du latin vulgaire*, P., 1899, стр. 147—150; И. М. Тронский, *ук. соч.*, стр. 223—224, 231—232, 251.

² Разбор концепций неолингвистов см. в работе А. В. Десницкой, *Вопросы изучения родства индоевропейских языков*, М.—Л., 1953, стр. 189—193, 264—272, 282—284. Нельзя целиком согласиться с резко отрицательной оценкой проф. А. В. Десницкой теоретических взглядов М. Бартольди, о котором Автонио Грамши писал, что он сделал лингвистику исторической наукой (см. Э. Я. Егерман, *Вопросы лингвистики в теоретических трудах А. Грамши*, ВЯ, 1954, № 5, стр. 115). В дальнейшем, как известно, большинство неолингвистов встало на идеалистические позиции.

³ Кстати, этот же аргумент о головном уборе из перьев служит Альтгейму для доказательства родственных связей сардов и ливийцев (стр. 173). Подобным образом объясняет автор и иллирийское влияние на искусство италиков, поскольку статуя воина из Капестрано имеет головной убор «иллирийского» происхождения (стр. 271—272).

⁴ Это не значит, что во взглядах Девото мы не встречаемся с явными уступками в сторону идеализма и «ментализма», за что его хвалит, например, E. Pulgiam, «*Language*», 28 (1952), стр. 262.

не находим в его монографии отдельной главы, посвященной оскско-умбрскому обществу.

В то же время, не считая социально-экономический фактор движущим стержнем исторического развития, Девото легко переходит от правильных и интересных наблюдений к социологическим натяжкам и явным модернизациям, как, например, к предположению о социальной революции внутри индоевропейского племени далекого доисторического прошлого, т. е. в обществе, в котором не могло быть и речи о существовании классовых различий.

Положительное значение книг Девото и, отчасти, Альтгейма заключается в наличии в них богатого и свежего фактического материала, в учете новых открытий и специальных исследований, в обилии интересных частных наблюдений и догадок, одним словом, в том, что они будят исследовательскую мысль, по-повому ставят ряд узловых вопросов древнейшей истории Италии. Что же касается основных выводов авторов, то, как указывалось выше, только немногие из них могут быть приняты без оговорок.

Надо думать, что новые находки, особенно эпиграфических памятников, и усиленная разработка накопленных материалов в ближайшем будущем дадут возможность создать новые синтетические труды по древнейшей истории народов Италии.

Б. И. Надэль

E. LEVY, West Roman Vulgar law. Law of property, Philadelphia, 1951, 305 стр.

Эрнст Леви — в прошлом профессор Берлинского и других немецких университетов, а в настоящее время — профессор Вашингтонского университета — является автором многочисленных работ по истории римского права. Рецензируемая монография представляет собою первый том труда Э. Леви, посвященного изучению послеклассического римского права. В первом томе рассматривается право собственности. Содержание второго тома, выпуск которого подготавливается издательством «Бэляус Нахфольгер», составляет обязательственное право.

Поскольку книга Э. Леви посвящена анализу римского права собственности — проблеме, имеющей первостепенное значение для экономического развития, значение этого труда выходит за рамки чисто историко-правовых проблем и представляет большой интерес для изучения истории Римской империи в целом.

Цель данной рецензии состоит не в исчерпывающем анализе той интерпретации римских правовых понятий, которая содержится в книге Э. Леви (эта задача должна быть предоставлена специалистам по истории римского права), но главным образом в характеристике значения данного труда для изучения общих проблем социально-экономической истории Римской империи.

Термин «вульгарное право» был введен в специальную литературу еще Г. Бруннером. Последний обозначал этим термином право, применявшееся на практике римскими провинциалами в период Поздней римской империи, право, представлявшее собою эволюцию или даже «вырождение» (Entartung) чистого римского права¹. Примерно такое же толкование «вульгарному праву» давал и Л. Миттейс². Э. Леви несколько расширяет понятие вульгарного права. По его мнению, вульгарное право представлено и в конституциях позднеримских императоров (стр. 4). Перегринское право, которое Миттейс рассматривал как неримское право, с точки зрения Леви, — разновидность «вульгарного права» (стр. 6). «Вульгарное право» и «послеклассическое»,

¹ H. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, I, Lpz, 1906, стр. 378.

² L. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht, Lpz, 1891, стр. 5.